

Калефато, 2021 – *Калефато П.* Пространство моды // Конец моды: одежда и костюм в эпоху глобализации. М.: Новое литературное обозрение, 2021. С 38-50.

Липовецкий, 2012 – Липовыецкий Ж. Империя эфемерного: мода и ее судьба в современном обществе. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 336 с.

Спенсер, 1998 – *Спенсер Г.* Опыты научные, политические и философские. Минск, 1998.

Тард, 2011 – *Тард Г.* Законы подражания. М.: Академический проект, 2011. 304 с.

Sheringham, 2006 – *Sheringham M.* Everyday Life: Theories and Practices from Surrealism to the Present. Oxford: Oxford University Press, 2006.

УДК 167.3

Горбунов А.В.,

*аспирант кафедры философии, этики и религиоведения,
Дальневосточный федеральный университет*

Методологические проблемы исторической интерпретации через призму интеллектуальной истории в работе Р. Уотмора «What is Intellectual History?»

DOI: 10.33979/2587-7534-2023-3-128-137

В данной статье представлены некоторые ключевые аспекты особого гуманитарного жанра интеллектуальной истории, освещённые через призму актуальных методологических проблем исторической интерпретации текстов прошлых эпох. В качестве предмета рассмотрены оригинальные идеи британского интеллектуального историка Ричарда Уотмора, детально сформулированные в его монографии «What is Intellectual History?» Полагается, что позиция рассматриваемого автора не только демонстрирует облик сложнейшей гуманитарной области, но также даёт свой уникальный взгляд на актуальные проблемы за счёт комплексного охвата и единого концептуального взгляда на историческую интерпретацию и способы её осуществления. Произведена попытка системно представить уотморовский подход к интеллектуальной истории, характерный предельным расширением междисциплинарности контекстуализма, обострением исторической аналитики и культурологической чуткости.

Ключевые слова: интеллектуальная история; история идей; реконструкция смысла; контекстуализм; Ричард Уотмор; Джон Барроу; Кембриджская школа; междисциплинарность.

Gorbunov A. V.,
graduate student of Department of Philosophy, Ethics and Religious studies,
Far Eastern Federal University

Methodological problems of historical interpretation through the prism of intellectual history in the work of R. Watmore “What is Intellectual History?”

This article presents some key aspects of a special humanitarian genre of intellectual history, illuminated through the prism of actual methodological problems of historical interpretation of the texts of past epochs. The subject is the original ideas of the British intellectual historian Richard Watmore, formulated in detail in his monograph "What is Intellectual History?". It is believed that the position of the author in question not only demonstrates the appearance of the most complex humanitarian field, but also gives his own unique view of current problems due to its comprehensive coverage and a single conceptual view of historical interpretation and ways of its implementation. It is made an attempt to present Watmore's approach of intellectual history systematically which is characterized by the expansion of the interdisciplinarity of contextualism, the intensification of historical analytics and cultural sensitivity.

Keywords: *intellectual history; history of ideas; reconstruction of meaning; contextualism; Richard Whatmore; John Burrow; Cambridge School; interdisciplinarity.*

Введение

Любая гуманитарная наука имеет тесную связь с исторической методологией. Изучая человека и общество, гуманитаристика вынуждена опираться на представление о том, какими были человек и общество в прошлом. Большую значимость в предоставлении этой информации играют текстовые документы. В то же время имеется множество проблем, вытекающих из того, что в пространство исследования попадает текст прошлой эпохи. В области интерпретации исторического текста данные проблемы наиболее выразимы в различии языков. Следствием этого становится недостаточное понимание вложенных в текст идей, что ещё более усугубляется ситуациями, когда обнаруживается расщепление коннотаций использованных в тексте слов. Параллельно всё чаще сегодня звучит проблема применения прошлой мысли в контексте современных проблем. Все эти затруднения могут существенно препятствовать исследовательской работе, требуя своего серьёзного осмысления. Гуманитарные науки к сегодняшнему дню уже сформировали множество путей преодоления этих сложностей, начиная от разработки подходов к самой проблеме, заканчивая конкретными сценариями их разрешения. Однако каждый такой способ может легко вступить в противоречие с другими, что чаще всего и происходит, обуславливая проблему методологических споров. При этом стоит понимать, что область исторической интерпретации не ограничена указанными проблемами, но, так или иначе, все они связаны с философским

вопросом о преодолении исторической дистанции между понимающим и понимаемым. В этой связи полагается, что все подобные проблемы имеют тесную взаимосвязь, вскрытие и преодоление которой требует «целостного» взгляда и твёрдой спекулятивной позиции. В качестве такой объединяющей позиции настоящая статья предлагает жанр интеллектуальной истории, заслужившей репутацию одного из авторитетных приёмов исторической интерпретации текстов. Иллюстрирующим лицом жанра предлагается Ричард Уотмор – британский интеллектуальный историк, профессор современной истории в шотландском университете Сент-Эндрюс, директор Института интеллектуальной истории. Примечательно, что учёный также является главным редактором журналов «History of European Ideas» (выходящего в свет с 1980 года) и «Global Intellectual History» (основан Уотмором в 2016 году). В этой связи можно быть уверенным, что Уотмор зарекомендовал себя как авторитетный специалист, в контексте нашей темы интересный своими концептуальными идеями, наиболее концентрированно отражёнными в его монографии «What is Intellectual History?»

В своей монографии автор ставит две основные задачи, а именно: очертить границы интеллектуальной истории как особой парадигмы гуманитарного познания и вместе с тем раскрыть её значение для всего комплекса гуманитарных наук.

Решению первой задачи посвящены первые три главы. В этих главах даётся экскурс становления интеллектуальной истории как особой исследовательской стратегии в её различных подходах и выявляются те методологические новации, которые были внесены творчеством Джона Покока, Квентина Скиннера, Иштвана Хонта и др. В исторический обзор входят такие авторы, как А. О. Лавджой, О. Бруннер, Р. Козеллек, Ж. Деррида, Х. Уайт, Д. ЛаКапра, М. Фуко, Д. Штраусс, Р. Дж. Коллингвуд, П. Ласлетт, Кв. Скиннер, Дж. Покок, Дж. Данн и др.

Вторая задача монографии сосредоточена на обосновании значения интеллектуальной истории для современной гуманитаристики. Решение этой задачи происходит в последующих трёх главах. Автор выделяет три аспекта этого значения: историческое, методологическое, практическое. Сообразно этим аспектам значение интеллектуальной истории представляет собой, во-первых, выведение интеллектуальной истории в отдельное направление гуманитарных исследований, во-вторых, наличие специфических особенностей её методологии, в-третьих, критический потенциал интеллектуальной истории.

Лингвистический контекстуализм как методологическое ядро

Первым и главным, что становится идентифицирующим элементом всей интеллектуальной истории, – идея соотнесения авторского замысла с условиями, в которых он возникал. А это подразумевает активное использование принципа контекстуальной интерпретации, выделяющего интеллектуальную историю из традиционных исторических работ. Одним из распространённых способов такой работы на сегодняшний день Уотмор называет лингвистический контекстуализм. Сам же лингвистический контекстуализм нашёл развитие в

Кембриджской школе, которая оказала наибольшее влияние на современную интеллектуальную историю [Whatmore, 2015: 11]. Известные её представители: Дж. Покок, Дж. Данн и Кв. Скиннер – развивали взгляд на тексты как на «продукты конкретных исторических контекстов, под которыми они <кембриджцы> подразумевали идеологические контексты, сформированные посредством лингвистической практики» [Whatmore, 2015: 42]. Особое внимание ими отведено языку эпохи, что и обуславливает значение лингвистического анализа текстов. Интеллектуальный историк, практикующий лингвистический контекстуализм кембриджской школы, должен выявить те самобытные языковые конструкции и приёмы, которые возможно обнаружить в текстах эпохи. Выявляя их как языковые практики, историк составляет особую лингвистическую матрицу (или дискурс), которой, так или иначе, придерживались авторы в прошлом. Эта языковая дискурсивность, в совокупности с историко-политическими, культурными и биографическими факторами, даёт понимание интеллектуального фона, в котором пребывал интересующий историка автор. Интеллектуальный фон выступает как контекст, в котором автор воспринят наравне со своими современниками; где группа мыслителей размышляла по поводу определённой темы (предмете, вопросе, проблеме), при этом каждый её представитель намеревался не просто озвучить идею, но аргументированно убедить своих коллег. Отсюда возникает возможность вскрыть действительный смысл текста, который отождествим с «авторским намерением» высказать свою мысль, одну среди многих, сформулированных по конвенционально принятым языковым нормам, в уникальном интеллектуальном пространстве.

Преимущество указанного подхода можно видеть в том, что он способен выявить ту смысловую нагрузку текста, которая действительно могла обнаруживаться в своей историко-культурной среде, ведь развивался такой подход в качестве альтернативы классическим подходам, «основанным на презумпции фиксированных концепций исторического анализа, метатеоретических предположений о человеческой природе и непрозрачных или неисторических теоретических словарях» [Whatmore, 2015: 42].

Смысл текста в культурологической парадигме

В своём видении Ричард Уотмор по-своему трактует требование контекстуализма. В первую очередь, эта трактовка содержит в себе выраженную культуроориентированность. Уотмор не случайно обнаруживает связь подхода интеллектуальной истории с антропологическими полевыми исследованиями. Так, если сравнивать интеллектуальную историю с традиционными видами работ, то в классике стараются реконструировать событие прошлого, исходя из доступных источников, при этом отстраняясь от субъектных особенностей их прочтения. В отличие от этого, интеллектуальная история методологически подчёркивает важность такой работы с источниками (в основном, это документы), которая бы учитывала то, что мы не являемся свидетелями событий прошлого и вынуждены их интерпретировать в рамках своего современного понимания, прежде всего обращая внимание на то, что слова в разные эпохи

имеют различные значения, притом иногда очень существенные. Обязательное требование этих исследований состоит в том, что мы можем понять другую культуру, лишь осознав свою. Р. Уотмор явно подмечает это сходство, указывая на работы К. Гирца по интерпретации культур. Историческая интерпретация, как и культурологическая, работает со всей семиотической сетью значений [Whatmore, 2015: 7], смысловые конструкторы которой имеют своё происхождение, природу, масштабы и пределы распространения. Самобытные условия идей представлены как культуры и практики, которые явно отличались от современных. Эти историко-культурные условия представляются как фон, на котором аргументы авторов прошлого проясняются в своей настоящей идентичности. Поэтому интеллектуальный историк именно вскрывает то, что отлично от нас, «скрыто... в идеях прошлого» [Whatmore, 2015: 5]. В противном случае историком привносятся анахроничность и телеологичность. Уотмор периодически ссылается на известных историков (Дж. Барроу [Whatmore, 2015: 15-16], Кв. Скиннер [Whatmore, 2015: 46-51], И. Хонт [Whatmore, 2015: 75-80], М. Игнатъев, Д. Уинч [Whatmore, 2015: 83]), проницательно критикующих разного рода анахронизмы и телеологичность, свойственные традиционным историческим трудам. Главным образом критике подвергается то, как современные идеологии и «модные» интеллектуальные тенденции выхватывают из исторического контекста отдельные фигуры или тексты [Whatmore, 2015: 15-16], внося в смыслы прошлого чуждое им (аисторическое) содержание [Whatmore, 2015: 75-76, 79-80]. Уотмор часто иллюстрирует примеры некорректного представления об идеях прошлого. Благодаря же подходу, предлагаемому интеллектуальной историей, удаётся пересмотреть значение взглядов мыслителей прошлого на те или иные социально-политические явления (например, это пересмотр представления о Ж.Ж. Руссо как о стороннике демократии [Whatmore, 2015: 16-18] или критика понимания А. Смита как прародителя современной экономики и неолиберализма [Whatmore, 2015: 19-20]). Пристальное внимание к деталям интеллектуального пространства позволяет вскрыть упускаемые из виду факты, осмысление которых однозначно пресекает ту преемственную линию, на которую опирается современная аргументация (будь то современные идеологии или же представления о развитии какой-либо академической области).

Однако чтобы уяснить контекст как самобытную среду формирования идей, необходимо провести его тщательную реконструкцию. Уотмор отводит этой тщательности особое место, тесно связывая её с подходом к расширению. Ссылаясь на термин Дж. Бентама «широкое описание» («thick description»), автор подмечает, что при объяснении значения конкретных идей важно «работать с как можно большим количеством информации об использовании слов, которую вы можете собрать» [Whatmore, 2015: 7-8]. Уотмор настаивает на том, что интеллектуальной истории в целом характерно расширение списка релевантных источников и авторов, необходимых для восстановления контекста (Дж. Покок, Дж. Барроу, Б. Беилин и др.) [Whatmore, 2015: 14-15]. Это ведёт к тому, что интеллектуальный историк теперь должен понять масштабы и пределы

распространения идеи, причины, по которым она заслужила доверие к себе [Whatmore, 2015: 5-7], зачастую расширяя временные и пространственные рамки исследования. В результате такого подхода удаётся восстановить целый «утраченный мир» [Whatmore, 2015: 5], в котором мысль исторического персонажа предстаёт как живая, резонирующая в самых разных ситуациях и обстоятельствах, вписанная в контекст своего времени. Среди авторов, которых Уотмор считает важными для упоминания, называются К. Хааконсен, И. Хонт, Д. Уинч [Whatmore, 2015: 20], Кв. Скиннер, Н. Малкольм, Р. Так [Whatmore, 2015: 19], Дж. Покок.

Расщепление дискурса

Вскрытие прошлого контекста как самобытной культуры становится удачным решением. Решая проблему субъектности историка, заставляя его принимать саморефлективную позицию, антропологическая ориентация даёт и более расширенное представление о дискурсе. Контрастность ситуаций употребления слов отсылает к общему социальному бытию как многосторонней деятельности по накоплению опыта. Источниками же этого опыта служат разные социальные и культурные практики, усложняющиеся вместе с обществом, постепенно обособляясь в целые дисциплинарные области и формируя свои собственные вокабуляры и смыслы. В то же время, придавая этим областям культуuroобразующее значение, следует воспринимать их как тесно переплетённые. А из этого определённо следует, что дисциплинарные дискурсы также способны обмениваться друг с другом лингвистическими единицами, наполняя их своим смысловым содержанием, фактически умножая число коннотаций. Как раз в русле этой идеи Р. Уотмор и отстаивает принцип выраженной междисциплинарности интеллектуально-исторических исследований, которую он также видит отличительной особенностью позиции интеллектуального историка [Whatmore, 2015: 14]. Усиливая это значение, британский историк также считает условным вычленение отдельных дисциплинарных областей внутри интеллектуальной истории. Отчётливо это иллюстрируется в критике Уотмором Р. Дарнтонa, давшего определение границам интеллектуальной истории, который считает возможным выделить такие области исследования истории идей, как историю философской мысли, интеллектуальную историю, социальную историю, историю культуры [Whatmore, 2015: 13]. Уотмор видит такое понимание «аморфным и расплывчатым» [Whatmore, 2015: 13], а поэтому демонстрирующим отрыв философской мысли от неформальных и коллективных идей и мнений [Whatmore, 2015: 13], что, соответственно, устанавливает жёсткие рамки между идеями, социумом, культурой, идеологиями. В свете же уотморского представления предмет интеллектуальной истории никогда не предстанет как чистое проявление одной области исследования [Whatmore, 2015: VIII-IX], ведь «идеи никогда не бывают чисто политическими, философскими, экономическими или теологическими» [Whatmore, 2015: 14]. Раскрывая позицию Р. Уотмора, мы могли бы сказать, что идея – это последнее, что допускает своё дисциплинарное ограничение. Современных интеллектуальных историков

можно обнаружить работающими в разных тематических областях « <от> истории, философии, государственного управления и политики, <вплоть до> международных отношений, классики, богословия, английского языка, иностранных языков, экономики, управления, социологии и антропологии» [Whatmore, 2015: 14], а пространство их тем очерчивается «в рамках истории науки, истории книги, движения и восприятия идей, а также в рамках транснациональных и глобальных исторических исследований» [Whatmore, 2015: 14]. Наиболее убедительно данная идея иллюстрируется Уотмором через примеры продуктивного междисциплинарного расширенного взгляда на прошлое в работах Дж. Покока, Д. Уинча, И. Хонта и др.

К проблеме методологических разногласий

Отсюда возникает следующая черта интеллектуальной истории, больше актуальная для её современного варианта. Её дискуссионный характер становится важным фактором для определения методологии и практики в целом, в связи с чем он установлен автором как отдельная черта интеллектуальной истории. Поскольку работа интеллектуальных историков проходит в самых разных областях исследований, это сказывается на том, как исследователь станет воспринимать интеллектуальную историю и её методологию [Whatmore, 2015: 27]. Специалист неминуемо начинает определять всю область своим тематическим локусом, обязательно отличающимся от определений его коллег. Кстати, именно это и затрудняет отнесение интеллектуальных историков к той или иной школе. На этом фоне обнаруживается почва для разногласий [Whatmore, 2015: 12]. Ричард Уотмор указывает, что её следствием становится условность и непрочность границ направлений, в которых ярлыки школ сегодня становятся неактуальны [Whatmore, 2015: 9, 13]. В то же время, автор видит в дискуссионности и положительное влияние. Британский историк цитирует своих коллег Даррина Макмахон и Сэма Мойн: «[п]редполагается, что если мы перестанем спорить друг с другом, мы станем самодовольными и перестанем создавать выдающиеся произведения» [Whatmore, 2015: 10].

Автор, признавая плодотворность профессиональных дискуссий, всё же считает возможным определить общие границы поля интеллектуально-исторических исследований. В его понимании историк выступает как «подслушивающий разговоры прошлого», «переводчик» «между культурами», «изучающ[ий] миры, полные предположений и убеждений, чуждых нашим собственным» [Whatmore, 2015: 13]. Намеренно метафорическая формулировка позволяет Уотмору выразить широту смысла и специфики работы всей области. Размытость также позволяет отразить обширность пространства дисциплинарной специализации, в пределах которой неизменно проявлены вышеуказанные контекстуальность, антропологичность, междисциплинарность.

Твёрдым основанием для всей интеллектуальной истории Уотмор видит саму уникальность интеллектуально-исторического исследования как «процесса восстановления "того, что люди в прошлом имели в виду под тем, что они говорили, и что эти вещи "значили" для них"» [Whatmore, 2015: 13], где

неизменным предметом выступают идеи прошлого и их содержание, передача и транслирование [Whatmore, 2015: 13-14].

«Цель интеллектуальной истории <как её определяет Уотмор> – более сложное понимание мыслей прошлого, понимание того, как они возникли, понимание того, почему различные решения исторических проблем имели смысл, и пределы человеческих действий в истории, налагаемых идеологическими рамками, с которыми люди сталкивались в своей жизни» [Whatmore, 2015: 96-97].

Развивая мысль о специфике интеллектуально-исторических исследования, Уотмор также видит в ней и общий подход к истории идей [Whatmore, 2015: 20, 45-46, 57]. Однако акцент на контекстуализме поставлен именно как на подходе, а не как на объединяющем философском методе [Whatmore, 2015: 20]. Объяснить это можно тем, что Уотмор стремится показать интеллектуальную историю во всём многообразии её методологий и традиций. Практически это означает, что подход, хоть и состоит в исключительном внимании к связи идей с их контекстами, но осуществляться раскрытие этой связи может разными способами. В связи с этим в своём историческом экскурсе британский историк подробно расписывает и другие направления, хоть и связанные с поиском «духа времени, мировоззрения, единичных идей, менталитетов <и пр.>» [Whatmore, 2015: 26], но не сводящиеся к Кембриджской школе. Среди них упомянуты история идей А. О. Лавджоя, концептуальная немецкая история, французский постструктурализм и деконструкция, «эзотерический» подход Л. Штраусса.

Преодоление антиквариатства в реконструкции

Одновременно с раскрытием сущности жанра интеллектуальной истории, Ричард Уотмор демонстрирует и её актуальность для гуманитаристики. Это связано со вторым вопросом, раскрываемым в монографии. Главная проблема, которая заботит британского историка, связана с критикой интеллектуальной истории по поводу её невозможности ориентировать свои достижения на современные проблемы. Это и побуждает автора поставить перед собой отдельную задачу доказать несостоятельность критики интеллектуальной истории за её антикварность [Whatmore, 2015: 9]. Наибольшее место этой проблеме уделяется в четвёртой, пятой и шестой главах.

В ходе рассмотрения метода и практики интеллектуальной истории автор демонстрирует, как актуальный вопрос возникал в форме реакций исследовательского сообщества на новую парадигму изучения идей, представленную в знаменитой статье Кв. Скиннера «Значение и понимание».

Главный аргумент заключался в том, что Скиннер «разорвал связь между нынешней политикой и историческим исследованием» [Whatmore, 2015: 54]. Следствием такого разрыва, как утверждает критиками, стала потеря связи между прошлым и настоящим, а ведь именно она была «центральной» для любой возможности обоснования научного статуса политики и философии, так и их аргументов [Whatmore, 2015: 54].

Ричардом Уотмором приводятся аргументы в защиту интеллектуальной истории, высказанные самим Кв. Скиннером. К наиболее существенному можно отнести то, что лингвистический контекстуализм «даёт знание о человеческих проблемах и ограничениях в их решении, исходящих из философских языков того времени» [Whatmore, 2015: 57]. По словам Уотмора, утверждение Скиннера гласит, что «из понимания трудностей, с которыми сталкивались исторические субъекты при решении проблем, и из знания различных вариантов, доступных историческим агентам», философы «приобретают представление не просто о значении высказывания, но о его исторической практичности, его ценности для современников, его глубине по сравнению с аргументами того времени и о том, в какой степени оно убедило тех, на кого оно должно было повлиять» [Whatmore, 2015: 73].

В сущности, эту идею Уотмор и принимает, продолжая её в своей главе о настоящем и будущем интеллектуальной истории. Главной практической задачей современной интеллектуальной истории Уотмор, как видится, считает поиски поверхностного понимания прошлого и их критику [Whatmore, 2015: 98-99]. Такой подход, конечно же, может осложнить решение любой проблемы, но он даёт «более глубокое представление» о прошлой ситуации [Whatmore, 2015: 97], что определённо позволяет делать философские аргументы наиболее обоснованными и устойчивыми к критике. Важно дать понять специалистам, что движение идей всегда непредсказуемо и извилисто, а в долгосрочной перспективе постепенно [Whatmore, 2015: 100]. В практической плоскости это может быть применено, например, в анализе современных и прошлых идеологий – иллюстрируют такую работу труды Дж. Данна, К. Кидда, С. Коллини [Whatmore, 2015: 97].

В заключение своей мысли автор даёт нам понять, что интеллектуальные историки подготовили благодатную почву для более качественных исследований, доказав на практике необходимость комплексного подхода к исследованию текстов [Whatmore, 2015: 98-99]. Философов и интеллектуальных историков он призывает к сотрудничеству и к активному использованию достижений интеллектуальной истории во имя ответственного отношения к авторам прошлого и реконструкциям их идей.

Заключение

К положительным моментам стоит отнести то, что, несмотря на столь ограниченные жанром рамки, автору удалось предельно ёмко, но подробно представить современную интеллектуальную историю как актуальную и перспективную область современных исследований, достаточно сложную и полемическую, но при этом, как утверждается, по-настоящему живую и развивающуюся.

Также привлекательно и то, что Ричард Уотмор демонстрирует не просто путеводитель по интереснейшей области исследований, но и взгляд профессионала на свою деятельность. Во-первых, книга показывает читателям опыт мастера своего дела – практикующего интеллектуального историка политической мысли. Уотмор делится своим собственным пониманием

интеллектуальной истории, способным служить ориентиром для начинающих исследователей в этой непростой области.

Во-вторых, британский историк демонстрирует мастерство работы с историческим контекстом, когда с полным пониманием излагает содержание основных подходов и работ классиков интеллектуальной истории. Читатель сможет познакомиться с основными авторами этой области, а также с их взглядами на интеллектуальную историю.

В-третьих, Ричард Уотмор, как знающий специалист, смог обоснованно представить позитивный взгляд на будущее интеллектуальной истории, её положительное влияние на гуманитарное знание. Вместе с тем, его похвала и побуждения к дебатам заставляют смотреть на них как на диалог во благо, а саму область интеллектуальной истории воспринимать во всём её богатстве традиций и подходов.

В целом, монография даёт уникальнейший шанс ознакомиться с перспективной современной областью исследований. Формат книги и её содержание, как полагается, могут быть полезны начинающим интеллектуальным историкам на начальных этапах погружения в исследовательскую практику, а позитивный взгляд автора обеспечит читателя прочным ориентиром и решимостью в самостоятельном поиске собственного уникального взгляда и подхода.

Список литературы

Whatmore, 2015 – *Whatmore R. What is Intellectual History?* Cambridge: Polity Press, 2015. 180 p.

Библиография основных работ Ричарда Уотмора

Whatmore, 2021 – *Whatmore R. The history of political thought: a very short introduction.* Oxford: Oxford University Press, 2021. 160 p.

Whatmore, 2019 – *Whatmore R. Terrorists, Anarchists, And Republicans: The Genevans And The Irish In Time Of Revolution.* Princeton: Princeton University Press, 2019. 478 p.

Whatmore, 2015 – *Whatmore R. What is Intellectual History?* Cambridge: Polity Press, 2015. 180 p.

Whatmore, 2012 – *Whatmore R. Against War and Empire: Geneva, Britain and France in the Eighteenth Century.* Yale University Press, 2012. 393 p.

Whatmore, 2000 – *Whatmore R. Republicanism and the French Revolution: An Intellectual History of Jean-Baptiste Say's Political Economy.* Oxford: Oxford University Press, 2000. 248 p.